

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

СОСЕДСТВОВАНИЕ В РОССИЙСКОМ БОЛЬШОМ ГОРОДЕ: ВРЕМЯ И МЕСТО СОСЕДСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Ольга Евгеньевна Бредникова (bred8@yandex.ru)

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Бредникова О.Е. (2023) Соседствование в российском большом городе: время и место соседских коммуникаций. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(1): 118–142. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.5>. EDN: FSHRQC

Аннотация. Соседство понимается как социальное явление, где пространственная близость имеет принципиальное значение, однако в современных исследованиях феномена акцент, скорее, делается на качестве соседских связей, в то время как пространство и время соседских коммуникаций нередко уходят на второй план. В фокусе статьи — современное российское соседство в пространственно-временной перспективе. Исследование фокусировалось на анализе микроуровня явления — на соседских практиках и рутинных взаимодействиях, и с этой целью введено понятие «соседствования». Основные исследовательские вопросы — где и когда происходят взаимодействия соседей в современных российских мегаполисах и как пространство и время проявляют себя в соседстве? Эта точка входа позволяет увидеть многослойность и процессуальность явления, а также зафиксировать значимые характеристики современного соседства, среди которых дистанцированность, мимолетность и краткосрочность, ситуативность, управляемость и др. Пространство соседствования рассматривается с точки зрения мест взаимодействия соседей между собой, границ и масштабов. Время в соседстве анализируется через множественность темпоральностей и ритмов соседства, стаж проживания, а также флуктуации соседских отношений. Исследование позволило выявить места соседских коммуникаций, зафиксировать множественность и значение границ в соседстве. Вводятся понятия дальнего и ближнего соседства, которые связаны не столько с дистанцией и масштабами, сколько с качеством соседских связей. Дальнее соседство базируется на локальной идентичности и классовой близости, а ближнее — на общей / поделенной материальности и совместности. Важнейшая социальная дифференциация в соседстве определяется стажем проживания и разделением на «старичков» и «новичков». Интенсивность соседствования и изменения соседских сценариев изменяются с течением времени. Статья основана на исследовании, которое проводилось в 2018–2019 гг. в Санкт-Петербурге. Основными материалами стали лейтмотивные интервью с жителями города об их опыте быть соседями (всего 17 интервью), дневники общения с соседями (12 дневников) и автоэтнографии.

Ключевые слова: соседство, пространство (места, границы, масштабы), время (темпоральность, стаж, флуктуации), соседствование.

Спустя примерно год после переезда на новую квартиру, я с удивлением отметила, что поздоровалась с соседкой, с которой мы живем «дверь в дверь», не в подъезде¹, где обычно пересекаемся и приветствуем друг друга и тем самым воспроизводим важнейшую практику соседствования и даже своего рода соседский ритуал, а в ближайшем к дому магазине. Вероятно, до этого момента мы просто не опознавали друг друга за пределами подъезда, где «знакомое лицо» терялось в пространстве тотальной анонимности. Однако в какой-то момент мы не просто стали узнавать друг друга, но и расширили пространство нашей коммуникации в качестве соседей, для чего потребовалось довольно продолжительное время.

Пространство и время — важнейшие контексты в понимании любого социального явления, и соседство в данном случае не исключение. Более того, соседство понимается прежде всего как явление, в котором пространственная близость имеет ключевое значение. При этом в исследованиях феномена, за редким исключением, пространство и время если не игнорируются, то по крайней мере остаются за пределами исследовательского фокуса. Я предполагаю поразмышлять над тем, как время и пространство проявляют себя в соседстве, в частности прояснить, где и когда происходят взаимодействия соседей, и проанализировать каким образом эти взаимодействия зависят от времени и пространства. Кроме того, я попытаюсь поразмышлять, как фокус на времени и пространстве соседствования помогает понять специфику исследуемого феномена.

Статья основана на исследовании, которое проводилось в 2018–2019 гг. в Санкт-Петербурге². Основными материалами исследования стали лейтмотивные интервью с жителями города об их опыте быть соседями (всего 17 интервью). Я постаралась максимально разнообразить выборку по самым разным параметрам, в частности разговаривала с жителями старых районов и новостроек, с теми, кто давно живет на одном месте

¹ Очевидно, хорошим тоном в исследовании, которое проводится в Санкт-Петербурге, было бы применить слово «парадная», однако следуя традиции использовать в качественном исследовании эмические категории, я употребляю слово «подъезд». Необходимо признать, что «парадная» — уходящая натура, и это слово уже практически не встречается в интервью ни у молодых, ни у пожилых людей, ни у жителей новостроек, ни у жителей дореволюционных домов.

² Исследование проводилось командой социологов, и я благодарю за совместную плодотворную работу своих коллег — Оксану Запорожец, Елену Богданову, Елену Никифорову и Ольгу Кач.

и переехал недавно, с мужчинами и женщинами, с людьми разного возраста и разным образованием и пр. не столько с целью сравнить, сколько уловить общие тенденции, позволяющие говорить о феномене в целом (Marcus 1995). Важно отметить, что в фокусе исследования были владельцы квартир. Можно предположить, что соседские отношения в коммунальных квартирах и коливингах, жители которых делят так называемые места общего пользования и где границы приватного пространства более проницаемы и легче нарушаются, имеют свою специфику. Также свою специфику имеют соседские отношения и у арендаторов жилья, которые могут определять свое проживание как временное, избегать соседей или дистанцироваться от них.

Вторым важным источником данных стали дневники. Информанты в течение двух недель вели дневники общения с соседями, в которых фиксировали любые встречи, контакты или даже незримое их присутствие — следы, по которым можно прочесть, что рядом находится сосед, будь это записка, мусор в общественных пространствах или запахи, нарушающие границы приватного. Дневники велись в свободной форме, и информант фиксировал все, что считал актуальным и относящимся к теме. Всего было собрано 12 дневников. Кроме того, в исследовании соседства достаточно эвристичным оказался метод автоэтнографии, когда наблюдение за собственными действиями и переживаниями, а также рефлексии по их поводу дают много информации о столь рутинном и потому не всегда замечаемом явлении, как соседство. Для анализа собранного материала использовались методы тематического анализа и анализа социальной категоризации.

Соседствование как практика соседства

Соседство, несмотря на его кажущуюся очевидность, — сложное и многозначное явление, что отражается в многолетней и богатой академической дискуссии по этой теме, а также во множественности подходов к его исследованию. Современное соседство представляет собой целый комплекс отношений, которые возникают между индивидами, связанными единой территорией, материальностью, идентичностями и которые вовлекают индивидов в чувственные и эмоциональные переживания (Богданова, Бредникова, Запорожец 2021:140).

Традиционно соседство исследовалось исходя из функционалистской оптики и из перспективы сообществ (см., например: Hoggart 1995). Сейчас эта перспектива подвергается сомнению, так как соседские связи ныне уже не выступают в качестве основного источника взаимопомощи и не столь значимы в качестве инструмента социального контроля.

Исследовательский фокус смещается с сообщества на индивидуального агента, который управляет своими отношениями и реализует различные сценарии соседствования (Богданова, Бредникова, Запорожец 2021: 159). Исследователи также пишут о значительных трансформациях соседских сообществ как социальных образований, среди прочего вызванных процессами активной цифровизации, и речь идет уже о гибридных соседствах, сочетающих в себе офлайн- и онлайн-практики (Gromasheva 2021; Чернышева, Гизатуллина 2021).

Важнейшей перспективой в современных исследованиях соседства выступает концепция коллективного действия (Олсон 1995; Bengtsson 2000; Hess and Ostrom 2003), в рамках которой соседство рассматривается как низовая гражданская инициатива и значимая социальная и политическая сила, обладающая мобилизационным потенциалом в решении актуальных проблем, связанных с жильем и городской инфраструктурой (Алапуго 2012; Богданова 2021; Бычкова, Попова 2012 и др.). Кроме того, соседство исследуется с точки зрения материальности. Так, в рамках акторно-сетевой теории в систему соседских отношений включаются вещная среда, инфраструктура, технологии и даже животные, обитающие в наших домах. Все эти «не-человеки» (nonhumans) выступают в качестве акторов — равноценных участников соседских отношений (см., например: Rantisi, Leslie 2010; Rock 2013). В условиях наших реалий достаточно вспомнить протекающие трубы или нашествие клопов и тараканов.

Разные «точки входа» дают разное понимание феномена и делают вклад в мозаичную картину представлений о нем. В данной работе я развиваю свой интерес к микроуровню соседства (Бредникова 2021). По мнению исследователей, современное соседство продуктивно мыслить как «дериват от повседневных упорядоченных локальных практик» (Вахштайн 2018). Исходя из этой перспективы, соседство определяется как «нормативный набор интерактивных практик» (Kusenbach 2006:282), создается в ситуациях социального взаимодействия (Martin 2003:366) и через практики (Laurier, Whyte, Buckner 2002). Я вслед за этими исследователями буду рассматривать соседство прежде всего как социальную практику, поместив в фокус исследования рутинные взаимодействия соседей и их действия, которые определяются как соседские. С целью акцентировать внимание на практиках вводится понятие *соседствование*, вынесенное в название статьи. Оно необходимо для того, чтобы дистанцироваться от слишком многозначного понятия «соседство», которое понимается и как сообщество, и как пространство — территория, населенная соседями, и как практика. Далее я рассмотрю некоторые эпизоды, демонстрирующие, как проявляет себя пространство и время в соседских практиках и взаимодействиях.

Пространство соседствования

Практически во все определения соседства включается пространственная компонента (Kusenbach 2006: 281). Как правило, речь идет о пространственной близости, делающей людей соседями и объединяющей их в сообщества особого рода — соседства. Я бы хотела не только обратиться и не столько к понятию близости, хотя речь о ней тоже пойдет, но и посмотреть на то, где и каким образом в соседских отношениях пространство «работает», проявляет себя. Я предполагаю описать места соседских взаимодействий, а также рассмотреть важные характеристики пространства в соседства — границы и масштабы. Важно заметить, что цифровые пространства соседства остаются вне фокуса статьи, однако следует признать, что их роль в настоящее время чрезвычайно велика (см., например: Kleinbans, Van Ham, Evans-Cowley 2015). В данном случае меня интересуют непосредственные взаимодействия «лицом-к-лицу», и я анализирую их роль в современном соседстве.

Места

Исследователи соседства подчеркивают важность физических мест, где, собственно говоря, разворачиваются соседские взаимодействия и практики, ибо «вступать в развернутые коммуникации, например инициировать беседу, просить о помощи и прочее, больше шансов, находясь непосредственной близости» (Laurier, Whyte, Buckner 2002: 354). Основной площадкой или сценой, где разворачиваются соседские коммуникации, становится подъезд. Об этом чаще всего рассказывали информанты в интервью и писали в дневниках. Вот, например, два отрывка их дневника Андрея¹ (53 года, живет в одном из центральных районов СПб, в доме раннесоветской застройки):

С Галиной Петровной встретился на лестнице. Ей за 80 лет, сильно хромает, двигается медленно. Каждую неделю ездит по выходным на дачу. Вот и сегодня туда же. Взял у нее рюкзак и помог спуститься с 4-го этажа. Поговорили за погоду и деревенские грядки. Молодец старушка, шевелится, этим и живет. Дай Бог ей здоровья! (запись от 6.07.19).

Вечером поднимался в квартиру, навстречу спускался Володя со своей собачкой. Укусила, тварь. Очень хотелось удавить! Сдержался. Володя долго извинялся и попросил стремянку до завтра. Вынес, ко-

¹ Имена информантов изменены.

нечно — всегда друг друга выручаем. Собачка вот только не в тему (запись от 8.07.19).

Эти отрывки довольно много говорят о соседских отношениях. В частности, о том, какой информацией о соседях обладает информант, о репертуаре соседских разговоров, практиках взаимопомощи и т.д. Однако в данном случае представляется важной именно место коммуникации соседей — подъезд. Такие случайные пересечения в общем пространстве дают возможность соседским взаимодействиям состояться. Примечательно, что просьбу о стремянке озвучили именно в подъезде, при случайной встрече и что Андрей ее «вынес», продолжив коммуникацию на общей лестнице, а не переместил ее в приватное пространство квартиры. В интервью, которое было взято по мотивам дневника, Андрей рассказывал, что все такие коммуникации проходят в подъезде. Несмотря на то что он знаком с этими соседями уже более тридцати лет, приватное пространство квартиры остается закрытым.

Другой пример соседского общения в подъезде демонстрирует Дарья (46 лет, житель нового жилого комплекса близ станции метро Парнас, в квартире проживает семь лет):

Соседей с соседней непосредственно квартиры я даже не всегда узнаю на улице, но в последнее время чаще. Ну мы так здороваемся, когда встретимся на площадке, когда выходишь из квартиры или заходишь: Здравствуйте-здорово, до свидания!

В данном случае соседские пересечения и взаимодействия мимолетны, они длятся лишь в момент прямого столкновения или краткосрочно, во время подъема по лестнице или поездки на лифте. Исследовательница американских городов Джейн Джекобс писала, что лифты «высасывают» жизнь с улиц (Джекобс 2015: 63), однако сейчас они объединяют людей на очень короткое время, становятся возможными площадками краткосрочных коммуникаций:

Конечно лифт — он разъединяет <...> Когда мы жили на Боровой, мы все шагали по лестнице. Поэтому идешь — тут стоят, тут стоят, тут с кем-то поговорил... А сейчас едешь — что тут уже успеешь сказать... Ой, в основном теперь: «Ты где был? Что купил? Как дела? А вот дом-то трещит у нас по швам. А вот эти вот (соседи) — это... А вот эти продолжают курить (Татьяна Борисовна, 70 лет, живет близ станции метро Обводный канал в доме дореволюционной постройки, стаж проживания — 43 года).

Татьяна Борисовна, сожалея, что общение с соседями практически ушло, за короткое время поездки в лифте успевают перекинуться парой слов с соседями — узнает новости, обсуждает важные темы относительно состояния дома и пр. В большинстве же исследуемых случаев отношения соседей ограничиваются лишь приветствием друг друга¹. Такие отношения деперсонализированы, и соседи знают друг друга лишь в лицо. И именно контексты общего пространства делают возможным мимолетную, однако важную для воспроизводства соседских связей коммуникацию.

В общих пространствах подъезда также активно идет опосредованное общение, когда люди не вступают в непосредственную коммуникацию. Соседи оставляют вещи «на отдачу», на доске объявлений можно оставить сообщение, хотя, следует признать, эти функции все больше берут на себя цифровые соседские площадки. Одна информантка рассказывала, что ведет диалог, постоянно передвигая детскую коляску, принадлежащую соседям, которая, по ее мнению, «стоит на моей территории, мешает мне проходить» (Валя, 44 года). Такие неартикулированные послания отражают общую тенденцию деперсонализации соседских отношений, избегания личных взаимодействий даже в пределах общего пространства. При этом демонстрируют потребность в коммуникации соседей между собой.

Взаимодействия соседей за пределами подъездов становятся менее интенсивными. Практика приветствия размывается вне стен подъезда, и соседи здороваются реже друг с другом, потому что «знакомые лица» теряются в пространстве тотальной анонимности, а люди, с которыми только что пересекался в лифте или на лестничных площадках, уже не прочтываются и не опознаются в качестве соседей. Тем не менее соседские взаимодействия происходят. Идут они, как правило, в специализированных местах «по интересам». Так, информанты рассказывали про общение с соседями на детских площадках, стоянках автомобилей, в местах для выгула собак и пр. Зачастую эти контакты уже персонализированы, и, самое важное, такими связями легче управлять. Они происходят по собственной инициативе, можно не только выбирать своего визави, но и определять частоту и интенсивность общения и пр. В данном случае можно говорить о появлении тематических соседств, которые вырастают из поделенного интереса. Такие соседские взаимодействия добровольны, в отличие от вынужденного соседства в рамках общей материальности. Когда делишь с соседями стены и трубы, то вынужден с ним так или иначе коммуницировать, так как не можешь выбирать, с кем общаться, а кого хотелось

¹ Про практику приветствий соседей и ее значениях в соседских взаимодействиях см. (ссылка)

бы избегать. Впрочем, можно зафиксировать появление новых агентов в поле соседства, и роль посредников здесь берут на себя управляющие и страховые компании, которые позволяют избегать непосредственного общения соседей между собой.

Здесь также следует отметить, что в новых жилых комплексах девелоперы предлагают своего рода соседскую инфраструктуру — соседские центры. Эти центры представляют собой специально выделенные и готовые для общения соседей места. Такая инициатива появилась недавно, и как она будет развиваться — покажет время. Пока эти центры встраиваются в логику «соседства по интересам», так как в центрах в основном действуют кружки, где соседи могут совместно заниматься хобби.

Границы

Изучение границ чрезвычайно важно при исследовании пространства. Границы определяют форму и в буквальном смысле слова формируют его. Они, с одной стороны, отражают социальные дифференциации, с другой — создают их. Как показало исследование, в соседстве существует множество границ, и они играют значимую роль. «Хорошего соседа делают хорошие стены» — английская поговорка и цитата из стихотворения Роберта Фроста однозначно отражают этот тезис.

Чаще всего границы в соседстве имеют материальное выражение, и об этом нам говорят множественные заборы вокруг жилых комплексов, перекрытые проходные дворы, закрытые двери подъездов и холлов на этажах. По мнению исследователей, заборы оказывают функциональное и дискурсивное влияние: «Направленные на фрагментацию пространства, они передают многочисленные пограничные сообщения..., разделяя внутреннее и внешнее, создавая различные режимы доступности, безопасности, видимости и пр.» (Bula 2022: 120).

Множественные и строгие границы в соседстве тоже несут определенные послания. Максим Трудолюбов в книге «Люди за забором. Власть, собственность и частное пространство в России» писал про причины «живучести заборов». Для него заборы в современной России выступают «памятниками до конца нереализованной мечты о приватности», «служат псевдорешением проблем собственности» в ситуации ее недостаточной легитимности и слабой защищенности и являются «физическим проявлением недоверия людей друг к другу» (Трудолюбов 2015: 36). Наше исследование показало, что материализованные границы в соседстве связаны с закрытием и охраной приватности и усилением безопасности.

Информанты рассказывали, что практика приглашения в гости соседей практически ушла. Лишь иногда дети заходят друг к другу в гости,

в то время как соседские посиделки фактически стали уходящей натурой. Все взаимодействия происходят в основном на нейтральной территории при закрытых или чуть открытых дверях. В лучшем случае сосед будет приглашен в прихожую, не далее. Такое взаимодействие «в дверях» будет краткосрочным и невовлеченным. Именно поэтому роль подъезда как нейтральной общей территории возрастает, и все вежливые беседы или даже разговоры «по делу» ведутся тут.

Практически все конфликты между соседями возникают в связи с нарушением границ приватности, будь это протекающая труба, залившая потолок и стены, запахи и звуки, идущие от соседей. Самые распространенные рассказы о конфликтах связаны с громкими звуками ремонта у соседей, топотом ребенка и курением в общественных пространствах, когда дым поникает в квартиру. И если физически и визуальную границу дома защитить довольно легко, то другие границы в ситуации пространственной близости легко нарушаются. Именно с целью защититься от такой инвазии устанавливаются звукозащитные и не допускающие запахи стены и преграды.

Кроме того, закрытые двери работают на создание безопасности. Их множественность (ворота двора и забор вокруг жилого комплекса, двери подъезда, холлов на этажах и, конечно, самих квартир) демонстрирует многоуровневую защиту, которая призвана не допустить «пришлых» на разных этапах проникновения. Самая дальняя преграда, как правило, работает хуже всего. Информанты рассказывали истории, как пытаются не допустить чужих в подъезд. Трудность составляет не только определение «чужака», но и отказ ему в доступе, потому что эти действия требуют коммуникаций «лицом к лицу», которые зачастую конфликтны. Ольга (39 лет, житель дома с двумя входами в подъезд) рассказывает:

О. Я вижу, что кто-то подходит (к подъезду) мне незнакомый — я быстренько во двор и иду со двора вхожу (с черного входа).

В. А почему?

О. Ну потому что как бы нагло: «Я вас не пущу. Вы звоните в домофон, если вам откроют...» — я не могу, мне неудобно. Если мне скажут: «Я в такую-то квартиру». Я, там: «Идите, конечно». Как-то сказать, что нельзя... Ну человек говорит: «Мне в седьмую квартиру» — ну что, мне жалко его впустить в седьмую квартиру? А соседка говорит: «Зачем пускать? Пускай звонят в домофон. Им откроют, если ждут». Поэтому я теперь если уж вижу, что точно идет к нам, я лучше пройду через двор, но его не пущу. Мне так спокойнее.

В данном отрывке из интервью, помимо вопросов личной безопасности, прочитывается желание, с одной стороны, избежать прямого столкновения и конфликта, а с другой — соблюсти некие правила, озвученные соседкой и связанные с допуском в общее пространство. Выходом из этой ситуации становится простое избегание взаимодействия.

Очевидно, огораживание общего пространства близ собственной квартиры можно рассматривать как интенцию расширить пределы собственного дома, в частности использовать это пространство для хранения вещей, невмещающихся или неуместных в квартире. Однако их присутствие на общей территории требует переговоров и договоров с соседями близлежащих квартир, что не всегда оказывается удачным (вспомним вышеупомянутый конфликт Вали с соседями по поводу коляски). Кроме того, такие незаконно приватизированные огороженные пространства все равно не определяются как личное пространство дома. Они наделяются особым пограничным, промежуточным статусом: за ними не ухаживают так, как за приватным пространством дома, здесь действуют другие правила и пр. Очевидно, что в случае соседства в современном российском мегаполисе множественность материализованных границ в большей степени говорит о попытке создать безопасное пространство с многоуровневым доступом не только чужаков, но и самих соседей и отчасти об интенции приватизировать общее для использования в личных целях. Так или иначе вопросы создания границ и управления ими требуют переговоров и солидаризированных действий соседей, что, собственно, и создает современное соседство.

Особое значение для соседства имеют внешние границы. Именно они призваны формировать единое, пространственно воплощенное соседство (*neighbourhood*), соседство как территориальную единицу, «территорию, населенную соседями» (Bulmer 1986: 21). Существует множество исследований, посвященных так называемым огороженным соседствам (*gated communities*, Sanchez, Lang, Dhavale 2005; Blandy, Lister 2005 и др.). Эти исследования фиксируют формирование соседств, основанных не столько на крепких внутренних связях, сколько на четком и сильном противопоставлении «нас» и «их», «своих» и «чужих». В данном случае заборы, ограничивающие территорию жилых домов и инфраструктурных объектов, их обслуживающих, играют действительно важнейшую роль, ибо проводят главную граничную идентификационную работу.

Вероятно, можно говорить и об открытых территориальных единицах соседств без столь очевидных границ в виде ограждений, но проявляющихся в иных формах, например о кварталах и микрорайонах. Исследования кварталов немецких городов демонстрируют различные практики

производства квартальных соседств с крепкими соседскими связями, например через организацию соседских праздников (Бучатская 2019) или с помощью гражданских инициатив, формирующих соседскую близость (Кашуба 2019). Очевидно, в российских реалиях ситуация будет иной, однако и здесь возможно найти примеры формирования именно территориального соседства. Вспомним знаменитую улицу Рубинштейна в Санкт-Петербурге, которая для всех стала гастрономическим центром города, а ее жители солидаризировались в борьбе против шума и грязи, оставленной многочисленными посетителями и владельцами заведений. В качестве другого примера можно упомянуть новые жилые районы и комплексы, вырастающие на окраинах Петербурга, в частности Парнас или Кудрово. Их отдаленность и плохая транспортная доступность способствует автономизации, что, в свою очередь, влияет на формирование территориального соседства (*neighbourhood*).

Частичный уход соседских практик в цифровое пространство снижает значение территориальной близости. Вот что пишет исследовательница гибридного соседства (сочетающего в себе онлайн- и офлайн-практики) в Кудрово: «Территория имеет значение, и близость является ключом к тому, чтобы быть соседом, но в то же время практика гибридного соседства носит экстерриториальный характер, обусловленный цифровой инфраструктурой. Такая природа соседства становится возможной благодаря подчеркиванию не физического присутствия в данный момент, а идентификации с местом» (Gromasheva 2021:15). В данном случае мы наблюдаем динамику феномена, связанную со снижением значения пространственной близости в соседстве и усилением значения локальной идентичности.

Масштабы

Роль и значение пространственной близости в современном соседстве можно объяснить посредством масштабирования, работы с масштабами пространства. Как показало исследование, можно говорить о различных масштабах соседства, в частности о ближнем и дальнем соседстве. Пространства лифтовой площадки, подъезда, огороженного двора или отдаленного жилого комплекса выступают сценами соседских взаимодействий, однако соседское общение и связи в разных масштабах будут отличаться.

В *близкое соседство* включены люди, живущие непосредственно рядом друг с другом и объединенные общей материальностью. Это те, кто регулярно пересекаются друг с другом в общем пространстве «лицом-к-лицу», вступают во взаимодействия. Они активно реализуют важнейшие прак-

тики современного соседствования — приветствия и короткие разговоры (Бредникова 2021:108). Зачастую такие коммуникации становятся персонализированными. Соседи могут знать имена и детали частной жизни друг друга, обращаться с мелкими бытовыми просьбами и т.д.

Пожалуй, в близком соседстве важна не только и не столько пространственная близость, сколько общая материальность, которая, с одной стороны, объединяет людей, с другой — может их разъединять, став предметом потенциального конфликта. Сергей (44 года, житель дома дореволюционной постройки в Петроградском районе) на просьбу рассказать о своих соседях назвал в качестве таковых тех, кто соседствует с ним по горизонтали и вертикали — всех, с кем он «делит стены». Вот что он говорит про свое первое знакомство с соседями:

О. Ну естественно, я тут же выяснил... Так как мне предстояло делать ремонт — большой и соответственно громкий ремонт, то я выяснил, кто живет подо мной, кто живет надо мной.

В. Сходил туда?

О. Да. И соседи по лестничной площадке. Это обязательно. Первое, что я выяснил — не будут ли меня заливать сверху. Не буду ли я заливать нижних, и насколько я мешаю соседям, которые вокруг меня. Но стены в доме почти больше метра, соответственно даже когда я сюда принес тяжелый инструмент, соседи сказали, что они меня не слышат. Мне это было очень удобно!

Пространственная близость, регулярность встреч и периодические взаимодействия в то же время требуют сохранения дистанции и укрепления границ приватности. Исследователи близкого соседства пишут, что «комбинирование физической близости и поддержание социальной дистанции — сложный и противоречивый процесс» (Crow, Allan, Summers 2002: 130), который востребует особые техники дистанцирования, например ограничение репертуара тем для общих разговоров, стратегий невмешательства, поддержание неопределенности в отношениях и пр. Такой сценарий соседствования основан на принципе морального минимализма (Baumgartner 1988), когда соседи поддерживают доброжелательные отношения, могут обмениваться новостями, оказывать друг другу мелкие услуги и прочее, однако само общение скользкое, неглубокое. Пассивные контакты в вежливом формате — это реализация негласной конвенции о взаимном невмешательстве и соблюдении границ приватности. В то же время такие коммуникации важны для того, чтобы в ситуации необходимости их можно было бы развернуть, скажем, чтобы солидаризироваться

для решения какой-либо общей проблемы, коих совместная материальность может предоставить достаточно.

Расширяющееся пространство соседства в масштабах двора, жилого комплекса или микрорайона переформатирует соседские связи, позволяет ограничивать непосредственные контакты с соседями или вовсе избегать их. В данном случае можно говорить о *дальнем соседстве*. Здесь основными сценами взаимодействия становятся места, где реализуются различные интересы — детские или собачьи площадки, автостоянки и пр. или же различные соседские форумы. В данном случае соседство выстраивается уже на других основаниях, актуализируя частные интересы и локальную идентичность. Тем не менее такое соседство тоже важно, свидетельство чему — многочисленные соседские группы в социальных сетях, которые объединяют жителей больших пространств, выплескивающих за пределы отдельных домов, микрорайонов. При этом цифровая архитектура групп может рассказать об интересах, в рамках которых объединяются соседи, будь это «мамочки Парнаса» или «автомобилисты Кудрова».

Дальнее соседство дает больше возможностей для маневров. Люди могут более свободно управлять форматом и интенсивностью взаимодействий с соседями, выбирать тех, с кем им хотелось бы общаться, и избегать отношений с неприятными соседями. В данном случае нет вынужденности близкого сосуществования людей, делящих общую стену, а вопросы соблюдения границ приватности стоят не столь остро. Взаимодействия в ближнем соседстве зачастую затруднены социальными барьерами, в то время как добровольная солидаризация в масштабах дальнего соседства происходит на основе классовой близости. Приведу пример из интервью с Татьяной (48 лет, жительница Адмиралтейского района, музейный работник). Татьяна рассказывала про проблемы с тараканами, которые буквально атаковали ее квартиру. По мнению информантки, они массово мигрируют из коммунальной квартиры, расположенной этажом ниже, где с ними не борются. Татьяна предпочитает обсуждать данную проблему не с жителями коммуналки, с которыми, по ее мнению, трудно будет договориться, но с живущим «через один подъезд» работником театра.

И наконец, ближнее и дальнее соседство связываются с разной эмоциональностью. Близкое соседство может быть очень аффективным. В собранных мною интервью рассказы про конфликты с соседями, живущими рядом друг с другом, были эмоционально насыщены крайне негативными эмоциями. В нарративах про дальнее соседство преобладают положительные эмоции, исключения составляют разве что рассказы про конфликты за места на автостоянках близ дома. Но в данном случае, как и в случае

близкого соседства, речь идет о совместности или о конкуренции при распределении общего блага. Интересно, что самые яркие нарративы интереса с положительными эмоциями связаны со встречами с соседями где-то очень далеко. Например, рассказ про встречу с соседями на отдыхе в Турции или во время стажировки в Соединенных Штатах. Очевидно, встреча со знакомыми вдали от дома усиливает локальную идентичность и порождает положительные эмоции, в то время как бытовые проблемы, зачастую связывающие соседей, оказываются неактуальными.

Время соседствования

Соседство рассматривается прежде всего как пространственный феномен, однако перспектива времени в исследованиях соседства, на мой взгляд, не менее значима. Рассмотрим время в соседстве через множественность темпоральностей и ритмов соседства, стаж проживания, а также флуктуации соседских отношений.

Множественные темпоральности и ритмы соседствования

В исследованиях соседства довольно популярны темы множественности и многослойности темпоральностей соседств как территорий, на которых встречаются и иногда вступают в противоречия друг с другом разные временные ландшафты, в частности домашние и городские темпоральности или темпоральности разных социальных групп (см., например: Blunt, Ebbensgaard, Sheringham 2021; Kern 2016). Так, в исследовании Лесли Керн анализируется, как процессы городской джентрификации создают привилегии определенным временным ландшафтам, что в итоге приводит к исключению и маргинализации определенных членов и социальных групп соседских сообществ, которым не подходят время и ритмы, предлагаемые городом. Внутренние темпоральности жизни этих людей не совпадают с темпоральностью города или района, в частности расписание движения общественного транспорта или время работы предприятий, расположенных в локальности, не совпадают с темпоральностями частной жизни отдельных людей или темпоральностями определенных социальных групп и т.д. И такие несовпадения приводят к исключению.

В нашем исследовательском случае важно признание множественности темпоральностей. В разных домохозяйствах, у разных соседей разные скорости жизни, и их время по-разному структурировано. Зачастую темпоральности разных соседей не совпадают или даже конфликтуют между собой. Самый очевидный пример конфликта темпоральностей — вечеринка в позднее время или строительные работы рано утром в выход-

ной день. В исследовании соседства важно понять, как такие конфликты могут разрешаться. Ольга (38 лет, житель относительно нового (2010 года постройки) жилого комплекса в Невском районе) рассказывала, что конфликт в их подъезде был вызван требованием соблюдения режима тишины в дневное время — время сна маленьких детей. Соседи были вынуждены договариваться между собой по этому поводу. Претензии сторон и переговоры о путях решения конфликта велись и через записки на доске объявлений, расположенной близ лифта, и через обсуждение в чате. В конце концов было принято совместное решение и утверждено время дневной тишины, когда всем жителям запрещается шуметь — включать громкую музыку или пользоваться дрелью. В данном случае речь идет не только об установлении общего режима тишины, но и о создании единой соседской темпоральности, когда в определенные часы вся активность соседей, связанная с громкими звуками, проникающими через стены, должна быть приостановлена или перенесена на другое время.

Также можно говорить об особых ритмах соседствования, когда интенсификация соседских отношений происходит в определенные часы или дни недели, в частности вечерами или по выходным дням, когда люди проводят больше времени дома и имеют больше шансов пересечься с соседями, вступить в те или иные взаимодействия. Примером тому может стать вынужденная интенсификация соседских взаимодействий во время локдауна, когда большинство соседей неожиданно для себя проводили много времени дома. Интенсификация соседских взаимодействий вызвала не только солидаризацию, но и конфликты, обусловленные среди прочего несовпадением темпоральности жизни отдельных домохозяйств.

Стаж соседствования

Заметнее всего время в соседских отношениях проявляет себя через стаж проживания и соответственно стаж быть соседом. «Старые» и «новые» жильцы — одна из центральных социальных категоризаций соседей, и конкурировать с ней может только дихотомия «собственник жилья vs арендатор». Времена, когда люди могли в течение всей жизни прожить на одном месте, прошли. Ныне мобильный субъект довольно легко меняет свое местожительство в связи с изменением биографической ситуации или социального статуса, сменяемость соседей происходит массово и регулярно. Люба (78 лет, жительница дома советской застройки в Выборгском районе) в ответ на просьбу рассказать о соседях эмоционально отреагировала: «Да уже никого не осталось, умерли все!» Безусловно, дом, в котором живет Люба, не обезлюдел. Однако это высказывание демонстрирует ее отношение к «новичкам», которые не то чтобы не воспри-

нимаются в качестве соседей, но они немного «не те», потому как уже «не те» отношения.

Как показывают различные исследования, продолжительность жизни на одном месте способствует непосредственному личному знакомству и укреплению соседских связей, предлагает больше ситуаций для коммуникаций различного рода, формирует более устойчивые соседские сети (см., например: Miletić 2015). Наше исследование показало, что длительность проживания безусловна связана с персонализацией отношений и установлением более тесных и крепких связей. «Старички» (те, кто давно живет на одном месте) в своих рассказах про людей, живущих рядом, демонстрировали более глубокие знания о соседях, вовлеченность в их жизнь: они знали кто из соседей где работает, кто развелся или женился, куда дети поступили учиться и пр. Между теми, кто живет «дверь в дверь» долгое время устанавливаются взаимозависимые реципрокные отношения: они часто обмениваются мелкими услугами. Впрочем, такие же отношения изредка встречаются и среди «новичков», и между «старичками» и «новичками». Однако стоит заметить, что такие случаи встречаются не столь часто.

Представляется, что более важные различия между теми, кто живет давно, и теми, кто переехал недавно, связаны не только с качеством связей и особенностями отношений, но и с возможностями устанавливать, поддерживать и переопределять неформальные правила близкого сосуществования. Андрей, про которого речь шла выше, говорит: «Когда мы переехали, это в основном старые жильцы были. То есть до меня здесь квартир практически не продавалось и не покупалось. Жильцы здесь жили давно. Соответственно они уже как бы притертые между собой».

В данном отрывке озвучивается очень важная характеристика соседей и соответственно соседства — «притертые». Здесь информант, по сути, говорит о том, что среди жителей дома сложился своего рода кодекс неформальных правил, взаимных ограничений и принятых форматов взаимодействия, которые устанавливались в течение некоторого времени, когда соседи «притирались» друг к другу, и он тоже вынужден пройти этот путь. Впрочем, этот процесс прошел для информанта безболезненно. Устойчивость этих правил информант обозначит в дневнике наблюдений выражением «у нас так принято»:

Сегодня поздно вечером курил на лестнице у открытого окна. По какому-то закону это запрещено, но я под ним не подписывался и его не принимал. И никто в нашем подъезде его не подписывал. Точно знаю. А потому на подоконнике стоит специально обученная баночка для окурков. Кто курит, тот за собой убирает, кто не курит —

не возмущается, потому как нефиг. У нас так принято (запись от 5.07.19).

Носителями правил выступают «старички», однако их власть определять и поддерживать неформальный кодекс не абсолютна. В материалах интервью встречались рассказы о том, как новоприбывшие могут менять правила. Так, Люба, сетовавшая на то, что «все соседи умерли», рассказывала о том, что правление в бывшем ЖСК, а нынешнем ТСЖ, сменили «молодые и очень активные», подытожив свой рассказ «теперь у нас все по-другому!» Безусловно, перераспределение полномочий и борьба за власть устанавливать правила представляет большой интерес в исследованиях соседства. Однако в данном случае мне представляется важным обозначить, как и в каких ситуациях проявляется измерение времени и актуализируется социальная дифференциация, связанная со стажем проживания.

Флуктуации и ритмы соседства

Понятие соседствование включает в себя процессуальность. Оно подразумевает определенное развитие соседских отношений, состоящих из целого спектра возможных сценариев, которые могут изменяться в ответ на различные внешние вызовы или изменения биографической ситуации. Разные сценарии соседствования предполагают как активное включение в отношения с людьми, живущими рядом, так и «пассивные контакты» или даже активное воздержание от них.

Исследование показало, что увеличение стажа проживания и стажа быть соседом не означает однозначную интенсификацию соседствования. Возможно говорить о своего рода флуктуациях¹ соседства. В данном случае под флуктуациями понимаются колебания интенсивности соседских взаимодействий и вовлеченности в соседские практики, активное соседствование сменяется периодами пассивности. Интенсификация соседских отношений наблюдается прежде всего при переезде на новое место жительства, в момент установления соседских отношений (Zapozhzhets, Brednikova 2022). Новизна обычно ассоциируется с позитивными эмоциями и опытом:

В мае мы приняли квартиру и в июне переехали. Это была, конечно, безумная радость! <...> Когда мы ездили смотреть квартиру, это был такой солнечный день, майский или апрельский еще тогда –

¹ Я благодарна моей коллеге Ольге Ткач за предложение термина в ходе совместных обсуждений.

мы приехали, зашли в эту квартиру, она показалась такой светлой, такой просторной — трехкомнатная квартира, большая (Дарья, 46 лет, Парнас, житель нового жилого комплекса).

Ощущение обновления жизни вызывает энтузиазм, который захватывает и соседские отношения. О таком же воодушевлении и драйве в производстве новых связей с соседями писал Яннис Цанинис, исследующий новоселов, переезжающих из Амстердама в пригороды в 1970–1980-х годах (Tzaninis 2015). Наши информанты рассказывали, что в момент переезда активно знакомились с соседями при случайных встречах, вступали в соседские форумы и чаты, кто-то писал объявления о том, что собирается делать ремонт, «на всякий случай» оставляя номер телефона в публичном доступе. Зачастую на новом месте жительства новоселы пытаются создать и реализовать новые сценарии соседства в противоположность тем, которые практиковались на прежнем месте жительства. Таким образом, поначалу предпринимаются активные стратегии знакомства с людьми, живущими поблизости, максимальное расширение круга соседского общения, практикуется близкое, вовлеченное общение. Например, Дарья рассказывала, как поначалу приглашала соседей в гости, чтобы показать, какой ремонт в квартире она сделала.

Однако со временем интерес к интенсивному соседствованию спадает, в близком радиусе соседских отношений происходит активная работа по усилению границ, и соседские отношения принимают форму минимальной вежливости, с тем чтобы в момент необходимости развернуться в более близкую коммуникацию, например в проблемных ситуациях, связанных с обеспечением безопасности, решении общих инфраструктурных проблем или при личных конфликтах. Очевидно, такое соседствование можно назвать ситуативным, когда в определенных ситуациях появляется запрос на коммуникацию с соседями и соседствование интенсифицируется.

Мимолетное / быстрое соседствование

Наконец, время актуализируется и в непосредственных соседских взаимодействиях, так как любая коммуникация, будь то простое приветствие или вежливый разговор, требует своего рода притормаживания в скорости собственной жизни, незначительных, однако замечаемых временных вложений, прочитываемых в расхожей фразе «остановился переговорить с соседями». Об этом, в частности, рассказывает Татьяна Борисовна, цитату из интервью которой я приводела в главе про места соседских взаимодействий. Дарья (46 лет, жительница района Парнас) рассказывает о своем опыте соседствования:

Ну то есть так, у нас нету никакого общения, ну и в принципе нет никакого желания общения, потому что и так времени не хватает. Ну, соседи сверху у нас наши друзья (семьи друзей специально купили квартиры, расположенные друг над другом) — это понятно, хотя тоже, кстати, я думала, мы будем больше общаться, а мы как-то... Все ресурс времени. Вот ни на что не хватает времени!

В данном случае важно, что соседство проблематизируется через временные затраты. При этом, несмотря на дистанцирование и даже отказ от коммуникаций с соседями, Дарья так или иначе вовлечена в них. В частности, она демонстрирует знание соседей, здоровается с ними и поддерживает вежливые короткие разговоры (small talks), отслеживает дискуссии в соседских форумах, поливает цветы соседке, когда та в отъезде и т.д.

Я полагаю, краткосрочность и даже мимолетность соседских отношений может многое прояснить в феномене современного соседства. Так, здесь прочитывается, с одной стороны, невовлеченность и соблюдение дистанции и границ с соседями, с другой — значимость соседских отношений, ибо в них так или иначе инвестируется самый дорогой ресурс современности — время. Очевидно, к разного рода характеристикам феномена современного соседства можно добавить и понятие «быстрого соседства» в связи с краткосрочностью соседских коммуникаций и минимизацией временных затрат, вкладываемых в них.

Заключение

В статье рассматривается феномен современного российского соседства в пространственно-временной перспективе. Исследование фокусировалось на анализе микроуровня явления — на соседских практиках и рутинных взаимодействиях, которые в работе обозначены понятием соседствование. Основные исследовательские вопросы — где и когда происходят взаимодействия соседей в современных российских мегаполисах и как пространство и время проявляют себя в соседстве? Внимание к столь очевидным и оттого не всегда рефлекслируемым контекстам — времени и пространству — значительно обогащает знание об исследуемом феномене. Такая точка входа позволяет увидеть многослойность и процессуальность явления, а также зафиксировать значимые его характеристики.

Уже написав основную часть статьи, я проделала простую аналитическую процедуру — собрала все характеристики соседства, появившиеся при описании времени и пространства соседствования и щедро рассыпанные в тексте. Соседство в этой работе описывается как дистанциро-

ванное, деперсонализированное, невовлеченное, управляемое, тематическое, событийное, ближнее и дальнее, интенсивное/активное и пассивное, мимолетное, краткосрочное и быстрое. Пожалуй, этот набор отражает всю сложность и изменчивость явления и позволяет достаточно насыщенно описать его. Большинство этих характеристик из пространственного и временного лексикона. Понятия дальнего и ближнего соседства позволяют говорить не столько о масштабах, сколько о качественном многообразии явления. Так, первое базируется на локальной идентичности и классовой близости, в то время как второе — на общей материальности и совместности. Понятие быстрого соседства отражает мимолетность и краткосрочность соседских взаимодействий, а также подвижность и изменчивость сценариев соседствования, которые могут быстро и кардинально меняться с течением времени и изменением внешних условий и биографических ситуаций, отвечать на внешние вызовы и события частной жизни. Способность и желание управлять пространством и временем соседствования (где, когда и как взаимодействовать с соседями) говорит нам об агентности современного соседа. Более того, проделанный анализ отчасти позволяет выйти за пределы рассматриваемого феномена и говорить об иных, более масштабных социальных явлениях. Так, большая граничная работа в соседстве показывает значимость приватности в современном российском обществе и проясняет общую концепцию дома, а социальные дифференциации по стажу проживания и столкновения между «старыми жильцами» и «новичками» демонстрируют непростой процесс нормализации возрастающей резидентальной мобильности.

Так или иначе, несмотря на тот факт, что современные тенденции по цифровизации соседства фактически преодолевают пространство и время — «позволяют быть соседом» вне этих контекстов (Чернышева, Гизатуллина 2021: 61), исследование пространства и времени соседствования открывает важные перспективы в понимании явления.

Литература

Алапуру Р. (2012) Экономические блага, *res publica*, акторные сети и коллективное действие. Хархордин О., Алапуру Р., Бычкова О. (ред.) *Инфраструктура свободы: общие вещи и res publica*. СПб.: Изд-во ЕУСПб: 67–108.

Богданова Е., Бредникова О., Запорожец О. (2021) Как понимать и как исследовать соседство? *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 13(2): 139–171.

Богданова Е. (2021) Коллективная стратегия решения проблем ЖКХ в условиях «старого соседства» в российском мегаполисе. Можно ли песок растворить в воде? *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 13(2): 72–100.

Бредникова О. (2021) «Я с соседями совсем не общаюсь...»: соседствование как рутинное взаимодействие. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 13(2): 101–123.

Бучатская Ю.В. (2019) Старый квартал Занд в Бамберге: репутация, проблемы и (соседские) инициативы. *Этнография*, 2(4): 32–67.

Бычкова О., Попова Е. (2012) Горожане и реформа ЖКХ: сети сопротивления. *Этнографическое обозрение*, 3: 78–87.

Вахштайн В. (2018) «Вы нашего кота не видели?» Как возникает соседство. *ПостНаука*, 12 июля. <https://postnauka.ru/longreads/92134>

Джекобс Дж. (2015) *Смерть и жизнь больших американских городов*. М.: Новое издательство.

Кашуба В. (2019) Соседство и квартал: новые формы городской публичности. *Этнография*, 2(4): 6–22.

Олсон М. (1995) *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*. М.: ФЭИ.

Трудолюбов М. (2015) *Люди за забором. Частное пространство, власть и собственность в России*. М.: Новое издательство.

Чернышева Л., Гизатуллина Э. (2021) «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 13(2): 39–71.

Baumgartner M.P. (1988) *The Moral Order of a Suburb*. N.Y.: Oxford University Press.

Bengtsson B. (2000) Solving the Tenants' Dilemma: Collective Action and Norms of Co-Operation in Housing. *Theory and Society*, 17(4): 175–187.

Blandy S., Lister D. (2005) Gated communities: (ne)gating community development? *Housing studies*, 20(2): 287–301.

Blunt A., Ebbensgaard C. L., Sheringham, O. The “living of time”: Entangled temporalities of home and the city. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 46.1: 149–162.

Bula D. (2022) Sites of Narrativity and Spatial Debate: Fences in Neighbourhoods in the Port of Riga. *Writingplace*, 6: 120–135.

Bulmer M. (1986) *Neighbours: The Work of Philip Abrams*. Cambridge: Cambridge University Press.

Crow G., Allan G., Summers M. (2002) Neither busybodies nor nobodies: Managing proximity and distance in neighbourly relations. *Sociology*, 36(1): 127–145.

Gromasheva O. (2021) Hybrid Neighborliness in Action: The Case of Kudrovo, Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 13(2): 13–38.

Hess C., Ostrom E. (2003) Ideas, artifacts, and facilities: information as a common-pool resource. *Law and contemporary problems*, 66(1/2): 111–145.

Hoggart R. (1995) *The Way We Live Now*. L.: Pimlico.

Kern L. (2016) Rhythms of gentrification: Eventfulness and slow violence in a happening neighbourhood. *Cultural geographies*, 23(3): 441–457.

Kleinhans R., Van Ham M., Evans-Cowley J. (2015) Using social media and mobile technologies to foster engagement and self-organization in participatory urban planning and neighbourhood governance. *Planning practice & research*, 30(3): 237–247.

Kusenbach M. (2006) Patterns of Neighboring: Practicing Community in the Parochial Realm. *Symbolic Interaction* 29(3): 279–306.

Laurier E., Whyte A., Buckner K. (2002) Neighbouring as an Occasioned Activity: “Finding a Lost Cat”. *Space and Culture* 5(4): 346–367.

Marcus G. (1995) Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology*, 24: 95–117.

Martin D.G. (2003) Enacting Neighborhood. *Urban Geography* 24(5): 361–385.

Miletić G.-M. (2015) Who Is (Still) Socializing with Neighbors? A Contribution to the Analysis of Local Social Relations. *Sociologija i prostor: Časopis za istraživanje prostornoga i sociokulturnog razvoja*, 53(2): 97–115.

Rantisi N., Leslie D. (2010) Materiality and Creative Production: The Case of the Mile End Neighborhood in Montréal. *Environment and Planning A: Economy and Space* 42(12): 2824–2841.

Rock M. (2013) Pet Bylaws and Posthumanist Health Promotion: A Case Study of Urban Policy. *Critical Public Health?* 23(2): 201–212.

Sanchez T.W., Lang R.E., Dhavale D.M. (2005) Security versus status? A first look at the census’s gated community data. *Journal of Planning Education and Research*, 24(3): 281–291.

Tzaninis Y. (2015). Building sand castles in Dutch suburbia: from new-frontier pioneering to diversifying aspirations. *Built Environment*, 41(4): 550–566.

Zaporozhets O., Brednikova O. (2022). New Neighbours in New Urban Districts in Large Russian Cities: Constructing Scenarios of Neighbouring. Cheshire L. (ed.) *Neighbours Around the World: An International Look at the People Next Door*. Bingley: Emerald Publishing Limited: 37–54.

NEIGHBORHOOD IN THE RUSSIAN BIG CITY: THE TIME AND PLACE OF NEIGHBORHOOD COMMUNICATIONS

Olga Brednikova (bred8@yandex.ru)

The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Citation: Brednikova O. (2023) Sosedstvovaniye v rossiyskom bol'shom gorode: vremya i mesto sosedskikh kommunikatsiy [Neighborhood in the Russian big city: the time and place of neighborhood communications]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(1): 118–142 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.5>. EDN: FSHRQC

Abstract. Neighboring is understood as a social phenomenon where spatial proximity is of fundamental importance, while space and time are most often ignored in the studies. The article focuses on contemporary Russian neighboring in the spatial and temporal perspective. The research is focused on the analysis of the micro-level of the phenomenon — on the neighboring practices and routine interactions, and for this purpose the notion of “neighborliness” was introduced. The main research questions are: where and when do neighborhood interactions take place in contemporary Russian megacities and how do space and time manifest themselves in neighborliness? This entry point allows to see multilayered and procedural phenomenon as well as to fix significant characteristics of modern neighboring, among which there are distance, short-term, situationality, controllability, etc. The space of neighborliness is considered in terms of places of interaction of neighbors with each other, borders and scales. Time in the neighborliness is analyzed through the multiplicity of neighborhood temporalities and rhythms, time of residency, as well as fluctuations of neighboring relations. The study allowed to identify the spaces of neighboring communications, to record the multiplicity and meaning of boundaries in the neighborhood. The article introduces notions of distant and close neighborliness which are related not so much to distance and scale as to the quality of neighboring relations. Long-distance neighboring is based on local identity and class proximity, while near-neighboring is based on common/shared materiality and cohabitation. The most important social differentiation in the neighborhood is determined by the time of residence and the division into “oldies” and “newcomers”. The intensity of neighborliness and changes in neighboring scenarios change over time. This article is based on a study that was conducted in 2018–2019 in St. Petersburg. The main data of the research are leitmotif interviews with city residents about their experiences of being neighbors (17 interviews in total), diaries of communication with neighbors (12 diaries) and autoethnographies.

Keywords: neighborhood, space (places, boundaries, scales), time (temporality, time of residency, fluctuations), neighborliness.

References

- Alapuro R. (2012) Ekonomicheskie blaga, res publica, aktornye seti i kollektivnoe dejstvie [Economic benefits, res publica, actor networks and collective action]. In: Harhordin O., Alapuro R., Bychkova O. (red.) *Infrastruktura svobody: obshchie veshchi i res publica* [Infrastructure of Freedom: Common things and res publica]. St. Petersburg: Izd-vo EUSPb: 67–108 (in Russian).
- Baumgartner M.P. (1988) *The Moral Order of a Suburb*. New York: Oxford University Press.
- Bengtsson B. (2000) Solving the Tenants' Dilemma: Collective Action and Norms of Co-Operation in Housing. *Theory and Society*, 17(4): 175–187.
- Blandy S., Lister D. (2005) Gated communities: (ne)gating community development? *Housing studies*, 20(2): 287–301.
- Blunt A., Ebbensgaard C. L., Sheringham O. The “living of time”: Entangled temporalities of home and the city. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 46.1: 149–162.

Bogdanova E. (2021) Kollektivnaya strategiya resheniya problem ZHKKH v usloviyah «starogo sosedstva» v rossijskom megapolise. Mozhno li pesok rastvorit' v vode? [Collective Strategy for Solving Problems of Housing and Communal Services in the Context of an “Old Neighborhood” in a Russian Metropolis: Can Sand Be Dissolved in Water?]. *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 13(2): 72–100 (in Russian).

Bogdanova E., Brednikova O., Zaporozhec O. (2021) Kak ponimat' i kak issledovat' sosedstvo? [How Can Neighborhood Be Understood and Studied?]. *Laboratorium: zurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 13(2): 139–171 (in Russian).

Brednikova O. (2021) «Ya s sosedyami sovsem ne obshchayus'...»: cosedstvovanie kak rutinnoe vzaimodejstvie [“I Don't Communicate with My Neighbors At All”: Neighboring as a Routine Interaction.]. *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 13(2): 101–123 (in Russian).

Buchatskaya Y.V. (2019) Staryj kvartal Zand v Bamberge: reputaciya, problemy i (sosedskie) iniciativy [The Old Sand Quarter in Bamberg: reputation, problems and (neighborhood) initiatives.]. *Etnografiya* [Ethnography], 2(4): 32–67 (in Russian).

Bula D. (2022) Sites of Narrativity and Spatial Debate: Fences in Neighbourhoods in the Port of Riga. *Writingplace*, 6: 120–135.

Bulmer M. (1986) *Neighbours: The Work of Philip Abrams*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bychkova O., Popova E. (2012) Gorozhane i reforma ZHKKH: seti soprotivleniya [Citizens and housing reform: resistance networks]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 3: 78–87 (in Russian).

Chernysheva L., Gizatullina E. (2021) «VKontakte» s sosedyami: cherty i praktiki gibridnogo sosedstvovaniya v bol'shom zhilom komplekse Sankt-Peterburga [VKontakte and the Neighbors: Features and Practices of Hybrid Neighboring in a Large Housing Estate in Saint Petersburg, Russia.]. *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 13(2): 39–71 (in Russian).

Crow G., Allan G., Summers M. (2002) Neither busybodies nor nobodies: Managing proximity and distance in neighbourly relations. *Sociology*, 36(1): 127–145.

Gromasheva O. (2021) Hybrid Neighbourness in Action: The Case of Kudrovo, Russia. *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 13(2): 13–38.

Hess C., Ostrom E. (2003) Ideas, artifacts, and facilities: information as a common-pool resource. *Law and contemporary problems*, 66(1/2): 111–145.

Hoggart R. (1995) *The Way We Live Now*. London: Pimlico.

Jacobs J. (2015) *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskih gorodov* [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Kashuba V. (2019) Sosedstvo i kvartal: novye formy gorodskoj publichnosti [Neighborhood and quarter: new forms of urban publicity]. *Etnografiya* [Ethnography], 2(4): 6–22 (in Russia).

Kern L. (2016) Rhythms of gentrification: Eventfulness and slow violence in a happening neighbourhood. *Cultural geographies*, 23(3): 441–457.

Kleinhans R., Van Ham M., Evans-Cowley J. (2015) Using social media and mobile technologies to foster engagement and self-organization in participatory urban planning and neighbourhood governance. *Planning practice & research*, 30(3): 237–247.

Kusenbach M. (2006) Patterns of Neighboring: Practicing Community in the Parochial Realm. *Symbolic Interaction*, 29(3): 279–306.

Laurier E., Whyte A., Buckner K. (2002) Neighbouring as an Occasioned Activity: 'Finding a Lost Cat'. *Space and Culture*, 5(4): 346–367.

Marcus G. (1995) Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology*, 24: 95–117.

Martin D.G. (2003) Enacting Neighborhood. *Urban Geography*, 24(5): 361–385.

Miletić G.-M. (2015) Who Is (Still) Socializing with Neighbors? A Contribution to the Analysis of Local Social Relations. *Sociologija i prostor: Časopis za istraživanje prostornoga i sociokulturnog razvoja*, 53(2): 97–115.

Olson M. (1995) *Logika kolektivnyh dejstvij. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [The logic of collective action. Public goods and group theory]. Moscow: FEI (in Russian).

Rantisi N., Leslie D. (2010) Materiality and Creative Production: The Case of the Mile End Neighborhood in Montréal. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 42(12): 2824–2841.

Rock M. (2013) Pet Bylaws and Posthumanist Health Promotion: A Case Study of Urban Policy. *Critical Public Health*, 23(2): 201–212.

Sanchez T.W., Lang R.E., Dhavale D.M. (2005) Security versus status? A first look at the census's gated community data. *Journal of Planning Education and Research*, 24(3): 281–291.

Trudolyubov M. (2015) *Lyudi za zaborom. Chastnoe prostranstvo, vlast' i sobstvennost' v Rossii* [People behind the fence. Private space, Power and Property in Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Tzaninis Y. (2015). Building sand castles in Dutch suburbia: from new-frontier pioneering to diversifying aspirations. *Built Environment*, 41(4): 550–566.

Vahshtajn V. (2018) «Vy nashego kota ne videli?» Kak vozniakaet sosledstvo [“Have you seen our cat?” How does the neighborhood arise]. *PostNauka* [PostScience], 12th of July. <https://postnauka.ru/longreads/92134>.

Zaporozhets O., Brednikova O. (2022). New Neighbours in New Urban Districts in Large Russian Cities: Constructing Scenarios of Neighbouring. In: Cheshire L. (ed.) *Neighbours around the World: An International Look at the People Next Door*. Bingley: Emerald Publishing Limited: 37–54.